

Сун Цзиньчэнь не сказал ни слова, даже не пошевелился, позволив сперме стечь с его изящных бровей, облизать уголки губ и снова упасть на живот Чу Юя.

Уретральный плей, принудительный оргазм, недержание.

Сун Цзиньчэнь снял очки, вытащил из кармана на груди уголок белой ткани, развернул, сложил и спокойно вытер лицо. На одежду тоже попала сперма, поэтому он снял её, оставшись обнажённым.

Чу Юя подняли для поцелуя. Он почувствовал сильный запах. Его связанные руки сжали, чтобы убедиться, что они не онемели от недостатка крови.

— Хочешь ещё раз?

Чу Юй парил в облаках, его мозг был заполнен только белыми облаками. Время остановилось, как в тишине утробы. Он кивнул, его лобковая кость была мягкой, щёки онемели от поцелуев. Сун Цзиньчэнь обнял его, как тряпичную куклу, наполненную ватой. Позвоночник, казалось, вылетел вместе со спермой, тело стало настолько мягким, что могло превратиться в жидкость.

Сун Цзиньчэнь открыл длинную шкатулку. Внутри на чёрном бархате лежал тонкий серебряный стержень. Чистое серебро, самый тонкий — 2.7 мм. На конце была вставлена полупрозрачная жемчужина размером с каплю, высшего качества, которая качалась, словно готовая упасть.

75% спирт мог сохранить металл чистым и блестящим, но лучшим уходом было ношение на теле, чтобы сделать поверхность мягкой и послушной. Способ получить больше удовольствия, чем через массаж простаты через слизистую кишечника, был прямой доступ к железе изнутри.

Смазка была нагрета в ладони. Серебряный стержень был обильно смазан этой тёплой жидкостью и медленно вставлен в уретру. В мужской уретре есть два естественных изгиба. Металл был жёстким. Чу Юй лежал на подушке, хмурясь и тихо стоная.

— Прости, дорогой. — Сун Цзиньчэнь поцеловал его бедро, изменил угол и снова вошёл.

Тело, почувствовавшее удовольствие, быстрее, чем его хозяин, сдалось, быстро наполнившись, растягивая связки. Слизистая уретры не имела нервов удовольствия, но когда вторжение коснулось поверхности железы, боль была забыта. Чу Юй мог видеть, как его мужской орган обслуживался пальцами другого мужчины. Сун Цзиньчэнь имел прямые пальцы, которые никогда не знали тяжёлой работы. Такие пальцы не нуждались в украшениях, как хорошо сложенный человек не нуждается в одежде.

Он вдруг почувствовал стыд, что такие руки заботились о нём, как о сокровище. Сун Цзиньчэнь

наклонился. Его движения, казалось, замедлились — может быть, намеренно, а может, и нет. Он открыл рот, чтобы взять в него головку, язык играл с жемчужиной на конце. Серебряный стержень вращался в узком проходе, мягко касаясь железа в глубине.

Чу Юй увидел шрамы на боку Сун Цзиньчэня — конечно, это были его следы. Он царапал их с обидой, поэтому они только начали заживать. Однако, когда движения ускорились, у Чу Юя не было времени думать, было ли это домашним насилием.

Язык сильно давил на серебряный стержень. Острое и сладкое удовольствие из глубины таза было в сто раз сильнее, чем раньше. Стоны Чу Юя были сломанными, его тело раздавливалось желанием кончить.

Прежде чем он закричал, Сун Цзиньчэнь отвернулся, выплюнув солёную жидкость, сложил руки на груди и лёг между ног Чу Юя, наблюдая, как он течёт.

— Ах... ты... — Чу Юй сглотнул, хотел пнуть его, но вместо этого заплакал. — Как ты... давай быстрее...

— Ссс... — Мужчина поднял щёку, улыбаясь злорадно и очаровательно. — Дорогой, у меня болит зуб.

— Ууу... что ты делаешь, давай быстрее, быстрее... — Чу Юй говорил бессвязно, электрические токи бегали по его телу. — Как ты можешь! Ты... ты ужасный!

Скорпионы действительно злопамятны, астрология — это наука. Чу Юй не мог больше, тихо плакал, мягко и хрипло звал:

— Папочка... папочка, помоги мне... муженек, потом позволь тебе внутрь, хорошо?

— Никакой искренности. — Старый лис гладил его бедро, лицо холодное и безжалостное.

— Ты, ты, ты... — Чу Юй беспомощно разозлился, ноги слабо били по простыне, плача и ругаясь. — Сун Цзиньчэнь, ты... ууу...

Старый лис подполз, подставив ухо:

— Ммм? Я что?

Чу Юй плакал, слёзы намочили виски. Всхлипывая, пробормотал:

— Я так... так тебя люблю... как ты можешь... так поступать...

Сун Цзиньчэнь взял его за лицо, поцеловал глаза, кончик носа, затем глубоко поцеловал, высосав половину его языка, словно хотел проглотить его целиком.

Пальцы вытащили серебряный стержень, затем сильно надавили. Чу Юй закричал, хрипя. Жидкая белая сперма вытекала из щели.

— Нравится? — Сун Цзиньчэнь тряхнул запястьем. Прядь волос упала на лоб. Он был твёрдым и болезненным.

— Нравится... нравится тебе. — Чу Юй плакал, опираясь на его плечо.

Серебряный стержень был извлечён. Головка покраснела, сперма больше не выходила. Белая жидкость жалко стекала из отверстия.

Сун Цзиньчэнь поднял его, посадил на колени, сжал два набухших члена, затем раздвинул половые губы и вошёл в отверстие, сокращающееся от оргазма. Чу Юй с удовольствием застонал. Его ягодицы были раздвинуты, и его жёстко трахали. Сок наполнял отверстие, легко превращаясь в пенистую пену. Только что кончивший член тёрся о мышцы живота мужчины, вызывая невыносимый зуд.

Он был слишком мал, идеально вписываясь в объятия мужчины. Только этот мужчина, никто другой. И он никогда не был так близко обнят кем-то ещё.

Чу Юй был опрокинут. Руки болели от веса тела. Сун Цзиньчэнь раздвинул его ноги, трахая глубоко и сильно. Шейка матки онемела. Чу Юй больше не мог наслаждаться оргазмом. Думал, что лучше бы его просто трахнули до смерти. Сун Цзиньчэнь прижался лбом к его лбу, тяжело дыша. Горячий воздух ударял в лицо. Он говорил, как он плотный, как горячо.

— Дорогой... малыш... мой Чу Юй... ты заставляешь меня хотеть умереть ради тебя... почему ты так хорош... и почему ты пришёл только сейчас...

Сун Цзиньчэнь несколько раз сильно толкнул, кончил внутрь. Чу Юй почувствовал пустоту в голове. Их животы были покрыты тёплой жидкостью. Сун Цзиньчэнь развязал его. Они лежали в постели, покрытой телесными жидкостями, готовые к новому раунду.

Чу Юй слабо оттолкнул его руку, хрипло ругаясь:

— Зверь... извращенец... ублюдок...

В конце они снова сделали это в ванне. Чу Юй больше не мог ругаться, лежал на груди Сун Цзиньчэня. Руки и ноги свисали в тёплой воде массажной ванны, глаза были закрыты.

Сун Цзиньчэнь накрыл лицо горячим полотенцем, вспоминая свои моменты просветления, когда его дворец памяти, заполненный цифрами, был заменён крупными планами лица Чу Юя в оргазме.

Он небрежно гладил спину молодого человека.

Если бы не та ночь, наполненная переговорами, если бы красивый мальчик не залез в его машину, если бы нужда не привела его к нему за помощью... были бы эти дни и ночи страсти? Они были разницей в восемнадцать лет. Он стал взрослым, когда тот родился. И наградой за борьбу в мире власти, завоевание места под солнцем, стал юный любовник, который медленно рос.

Всё было тихо, только цикады, умирающие осенью, кричали. Они провели восемнадцать лет под землёй, вылезли на поверхность, чтобы найти летнюю любовь, и умерли удовлетворёнными. Сун Цзиньчэнь гладил красные следы на спине Чу Юя, не зная, как позаботиться о нём, когда наступит настоящая зима.

Прошло две минуты после полуночи. С тех пор как Чу Юя разбудили, когда его положили в постель, прошло полтора часа. Он свернулся калачиком в хвосте старого лиса и начал второй сон. Ему снилось, что он родил выводок лисят, все они просили молока, и если не получали, звенели колокольчиками.

<http://bllate.org/book/15448/1370490>